

концептуальная модель и этнополитика неолиберальных политических элит западноевропейских государств. Когда добродетель плюралистической толерантности выступает субститутотом национальной консолидации, мультикультурализм легко обращается в этнонационализм и сепаратизм, а политкорректность – в агрессивную ксенофобию.

Нельзя не согласиться с тезисом В. Малахова: «Сколь бы сомнительными с теоретической точки зрения и амбивалентными по практическим результатам ни были политики поощрения культурного плюрализма, разумной альтернативы этим политикам не существует» [3]. В то же время вряд ли достаточно убедительны аргументы, приводимые В. Малаховым в пользу отказа от самого термина «мультикультурализм» на основании того, что этот термин «сегодня прочно связывается с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом» [3]. Исторические перспективы мультикультурализма определены тем, будет ли под этим брэндом и впредь продолжаться близорукая политика гетеронационализма, конструирование мультикультурного общества как механически агрегированных культурных, конфессиональных и языковых анклавов социума, или же в основу мультикультурализма будет положен кросскультурный диалог как политическая технология формирования культурной идентичности в условиях глобализации.

Литература и источники

1. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М., 2005.
2. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 364–380.
3. Малахов, В. Зачем России мультикультурализм? // Демоскоп Weekly. № 151–152. 22 марта – 4 апреля 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/analit04.php>.

ФИЛОСОФИЯ М. М. БАХТИНА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Жук Е. И. (Минск, Беларусь)

Понимание диалога у М.М. Бахтина не предполагает рассмотрение его как всего лишь одной из композиционных форм речи (монолог и диалог). Всякое вопрошание о мире с надеждой на ответ, вопрошание, вслушивающееся в голоса мира, рождает диалогическое пространство. Чистый монолог отличен тем, что окончательно лишен всякого адресата. Диалог же являет собой пространство встречи *смыслов*. Язык как система знаков служит лингвистической основой для возникновения металингвистического контекста диалога. Диалог возникает не во взаимодействии семантических значений предложений, а во встрече

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

высказываний, за которыми стоит нечто и некто: он преступает лингвистический порог. Высказывание несет в себе связь с действительностью, о которой в нем повествуется, и связь с собственным автором. Диалогические отношения предполагают активность собственной позиции и ее инаковость по отношению к позиции другого. Поэтому событие жизни текста (понятого широко, как единство лингвистического и металингвистического полюсов), его подлинное существование возможно лишь на рубеже двух сознаний. Диалог являет вызов сознанию, которое должно увидеть другого, раскрыть себя навстречу новому *смыслу*, исходящему из творческой сердцевины иного *места в бытии*.

Когда силу набирает *персонификация*, когда возможным становится диалогическое отношение, тогда перед взором человека возникает фигура другого. Оба они будут являться субъектами диалогических отношений. В таких отношениях субъект как личность характеризуется конкретностью, целостностью и ответственностью. Этот активный субъект диалога всегда представляет собой некую незавершенность, неисчерпаемость, открытость, которые, при этом, складываются для нас в фигуру целостного другого. В то же время, являясь нам как конкретность и целостность, другой постоянно ускользает от нас. Мы не можем сказать, что знаем его – ведь он неисчерпаем и всегда открыт изменениям, он столь же текуч, сколь и конкретен. На самом деле, наша личность представляет собой точно такое же текучее, загадочное целое. И если бы ни фигура другого, мы бы никогда этого не осознали. Дело в том, что принципиальной чертой другого является его *другость* по отношению ко всякому иному. Точно так же и я – это *другой* для всех остальных, принципиально не замещаемый ими. *Другость* означает не просто отношения между мной и всяким иным, но также уникальную, неповторимую характеристику всякого субъекта. Понимание другого как носителя *другости* дает возможность говорить о принципиальной незаменимости позиции кого бы то ни было. Именно поэтому в диалогических отношениях всякий раз принимают участие уникальные субъекты и персоналистичные *смыслы*.

На данный момент нашим взорам предстали две фигуры: я и другой. Создается впечатление, что диалог представляет собой коммуникацию двух людей, двух *мест в бытии*, которые последовательно встают на позиции слушающего и говорящего. Так принято понимать диалог и в обыденном контексте: это форма общения, когда говорящих – "более одного". В таком контексте довольно провокационным оказывается заявление Бахтина о том, что диалог – это не дуэт, а *трио*. Разумеется, данный концепт отражает не количество реальных участников диалога, а число необходимых для осуществления диалога позиций. И.М. Наливайко пишет [1], что использование концепта *трио* в отношении диалога у Бахтина по необходимости отсылает нас к буквальному переводу слова «диалог», которое в бытовом употреблении чаще всего противопоставляют понятию монолога. У Бахтина как раз подчеркивается не различие в количестве говорящих, а значимость префикса «диа» («между»). Соответственно, диалог

есть отношения, осуществляемые «между логосами». Самый острый момент возникновения диалогических отношений состоит в этом «между», позволяющему возникнуть пространству общения. Именно позиция «третьего» в диалоге и стоит «между», а скорее окутывает собой фигуры говорящих. Этот таинственный третий и есть позиция, благодаря которой может быть начат диалог; это тот, кто является гарантом понимания. Третий интерпретируется Бахтиным как та основа, что позволяет осуществиться пониманию, а назван он через ряд наименований – лишь отчасти синонимичный и, по сути, не завершенный. Третьим в диалоге могут быть названы *первичный автор, идеальный нададресат*, или, в различные эпохи, третий именовался Богом, абсолютной истиной, судом истории, истиной науки...

Итак, «каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога» [2, с. 306]. По мнению Бахтина, причиной существования третьего является особая природа слова. Слово по сути своей «всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)» [2, с. 306]. Таким образом, фигура третьего в диалоге восполняет собой две ниши. С одной стороны, эта общая основа, фундирующая понимание, позволяет начать диалог, ощутить себя в силах говорить и надеяться на *ответность* – ведь человек ощущает свою принадлежность к основе, намного большей и существенной, чем его сознание. С другой стороны, присутствие третьего дает человеку, физически принадлежащему *малому времени*, надежду, что создаваемые им *смыслы* помогут превзойти эту связанность современностью. Меняется аксиологический вес произносимых слов – человек чувствует, что именно они, фундированные *большим временем*, позволяют его фигуре «остаться» в этом времени.

Несмотря на подстерегающие процессы *монологизации* сознания и *овеществления* фигуры другого, диалог никогда не уходит со сцены человеческого существования окончательно. Влечение к *монологизации* сознания сильно: с тех пор, как человек *осваивает* чужие слова и начинает считать их своими, для него велик соблазн ощутить себя единственным творческим сознанием, вершащим подлинное *осмысление* действительности. Однако окружающий мир сопротивляется процессам глобального *овеществления*. В конце концов, каждый человек чувствует, что мир, особенно в лице другого сознания, вовсе не поддается *овеществлению*, он не подчиняется, а говорит, и при этом рождает *смыслы*, абсолютно новые и неожиданные для сознания этого субъекта. Так, стремление к пониманию и диалогу начинает затягивать человека в свой круговорот – он жаждет узнать другого, мир и себя.

Положение дел обстоит так, что догматический, не готовый к диалогу субъект не может обогатиться знанием. Чтобы творить новые *смыслы* и быть понятым, необходимо не только согласие на диалог, но и согласие в диалоге.

Бахтин подчеркивает, что упрощенное понимание диалога как спора не продуктивно и однобоко. Когда мы решаемся на диалог, намного важнее для нас «доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, *согласие...* наслаивание смысла на смысл, голоса на голос... дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п.» [2, с. 300]. Особенно притягательным оказывается творческое понимание в диалоге, когда происходит подлинное обогащение совместно создаваемыми *смыслами*, когда люди вместе отодвигают предел *несказанного*. Когда в пространстве диалога люди достигают согласия, они отодвигают *передвигающийся предел несказанного*, обогащают культурное пространство новыми выраженными *смыслами*.

Бахтин пишет: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [3, с. 351]. Человек *осмысляет* действительность – и сама действительность качественно меняется под его взглядом, меняется *смысл события* всего бытия. Так, *осмысление* действительности и свершение понимания кажется всемирным призывом человечества – зовом, брошенным бытием, – и так же всегда доступной, прекрасной судьбой каждого человека, рожденного в мир.

Литература и источники

1. Nalivaika, I. From the Profane to the Sacred: the Dialogue between I and Another in Poetry and Everydayness // The Influence of Jewish Culture: On the Intellectual Heritage of Central and Eastern Europe. – Krakow, 2011. – P. 195–206.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281–307.
3. Бахтин, М.М. 1961 год. Заметки // Собр. соч. в 7-ми томах. – М., 1996. – Т. 5 – С. 329–360.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Жумабек Ы. Ж. (Тюмень, Россия)

По мере накопления опыта проведения миротворческих операций члены ООН столкнулись с рядом проблем, связанных, прежде всего, с субъективными противоречиями и интересами стран-участников Совета Безопасности и ООН. Природа указанных затруднений кроется в разнородном составе указанных объединений.

С одной стороны, локомотивом миротворческого движения являются развитые страны: США, Франция, Италия и т.д. Значительный вклад способны внести и страны с переходной экономикой, представителем которой является Российская Федерация. Однако развивающиеся страны в